

УДК 904

Н.А. Хан

Институт археологии РАН
 ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
 E-mail: stepi@front.ru

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОСУДА (к вопросу о денежном счете Древней Руси XIII века)

Введение

Гигантский потенциал меховых ресурсов северо-востока Европы нашел отражение в летописных памятниках, начиная с “Повести временных лет” [1999, с. 107 – 108, 245; 126 – 127, 265], а регулярность сбора дани, в частности, с Югры документируется летописным известием под 1193 г., где сообщается, что югорцы вынесли новгородцам положенную дань со словами: “Копимь серебро и соболей и ина узорочья...” (“Собираем серебро и соболей и другие меха...”) [Новгородская первая летопись..., с. 40]. В этих словах не только указывается состав дани, но и прямо говорится, что к выплате готовились заблаговременно и платили регулярно. Дань имела потребительское и сакрально-престижное значение [Фроянов, 1996, с. 502] и, естественно, в новгородской среде порождала слухи о сказочных богатствах Югры и Самояди. Именно отсюда происходят эффектные находки, в т.ч. и изделия византийской торевтики [Даркевич, 1975, с. 268, рис. 378; 1976, с. 54; Фёдорова, 1994, с. 64 – 66; Маршак, 1996, с. 6 – 44], входившие в состав дани [Хан, 2002, с. 285 – 287].

Постановка проблемы

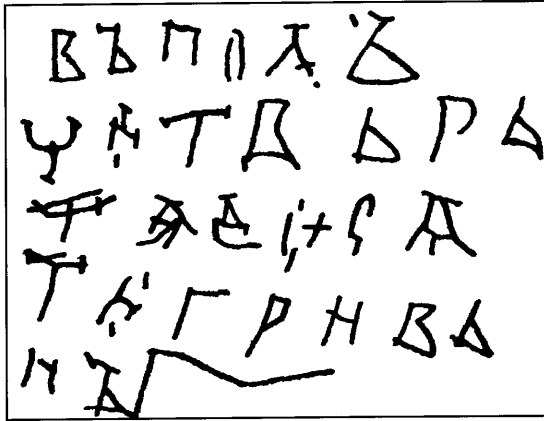
Начиная с работ Я.И. Смирнова, мировой науке стали известны случаи использования изделий торевтики (обнаружены на территории бассейнов рек Вятки и Камы) с надписями на греческом и восточных языках, с указанием их веса и стоимости, в качестве платежного средства. По-видимому, не будет большой ошибкой утверждать, что такие изделия несут двойную нагрузку. Имеется в виду культурная и финансо-

вая сферы, синтез двух начал в самом изделии торевтики как товаре, олицетворяющем собой стоимость. Стоимостное выражение, представленное в надписи на том или ином сосуде, должно было соответствовать его весу, быть может, с некоторыми оговорками, нечитаемыми в надписях. Поэтому практически всегда при изучении денежно-весовых норм той или иной эпохи исследователи выдвигают на первый план соответствие между стоимостью, указанной в надписи, и весом.

Изменение денежного счета Древней Руси в XIII в. по сравнению с таковым Русской правды, как известно, впервые установил выдающийся русский нумизмат Н.П. Бауэр на основании неточно датированного письменного источника – духовной (завещание) некоего Климента Новгородца [1940, с. 178, 198], относящейся примерно к 1270 г. В качестве одного из аргументов ученый привел серебряные платежные слитки, осуществив первое исследование в этой области и заложив тем самым основы отечественного слитковедения. В частности, он установил на актовом материале существование термина “рубль” с XIV в., и только сведения берестяных грамот, согласно академику В.Л. Янину, позволили удревнить зарождение рублевой системы [Янин, 1969 – 1970, с. 329].

Для изучения денежной культуры на территории Восточной Европы большое значение имеет привлечение эпиграфического материала, который, как показала М.П. Сотникова, посвятившая изучению данного вопроса специальное исследование, имеет самостоятельную источниковую ценность [1961, с. 44 – 61].

Сделав предварительные замечания, попытаемся в первом приближении выяснить стоимость одного изделия торевтики, найденного в Зауралье в м. Березове.

Прорисовка надписи на Березовской чаше
(по: [Медынцева, 2000]).

Березовская византийская чаша: вопросы метрологии

Византийская чаша середины XII в. имеет вес около 985 г [Даркевич, 1975, с. 77 – 99, 233, 266, 267, рис. 378; Bank, 1977, p. 312 – 313, fig. 215 – 217], поступление ее на рынок датируется, согласно новейшим палеографическим исследованиям, временем не позднее середины XIII в. [Медынцева, 2000, с. 117]. На чаше древнерусская надпись, означающая “тридцать пять гривен” (см. рисунок). Что подразумевается под словом “гривна” в данном случае: обозначение гривен серебра, кун, соболей? “Тридцать пять гривен не могут быть обозначением веса, так как она весит значительно меньше (около 980 г)”, – пишет А.А. Медынцева [Там же], имея в виду гривну серебра – слиток в 1/2 европейского фунта (204,756 г).

Если в надписи на березовской чаше речь идет о гривнах серебра, несоответствие цены и веса выглядит достаточно внушительным – 7 : 1. Если имеются в виду “гривны кун”, то при необходимости соотношение будет 1,705 : 1, данная величина следует из берестяной грамоты № 442, найденной в слоях первой половины XIII в., и, как явствует из анализа, проведенного А.М. Колызиным [2001, с. 53 – 54, 133], цена березовской чаши должна составлять 1750 г серебра. В случае, если в надписи речь идет о “гривнах соболей”, которые приравнивались к 20 шкуркам [Назаренко, 1996, с. 7 – 10, 70], изделие оценивалось в 700 соболей.

Наилучший соболь, по словам ал-Марвази, автора конца XI – начала XII в., водился на территории, занятой народом Йура [Заходер, 1962, с. 114 – 115], а, по данным С. Герберштейна [1988, с. 131, 161], относящимся к первой половине XVI в., “самые черные соболя” были в Югре. Ареал добычи соболей в древности на территории Восточной Европы и Зауралья охватывал Подвинье и Приобье [Аристов, 1856, с. 3 – 5],

а согласно топонимии Вятской земли, где имеется населенный пункт с названием Соболи [Энциклопедия..., 2002, с. 507], южная граница ареала совпадает, по-видимому, с границей страны Вису, предположительно находившейся в пределах Вятско-Камского междуречья между 57 и 60° параллелями [Khan, 2002].

В 1159 г. киевский князь Ростислав одарил сына Святослава “соболи, горностайми, черными кунами, песцы, белыми волками, рыбьими зубы”. Н.Я. Аристов, который привел данное известие, считал, что это меха новгородской торговли и происходят они из Северо-Восточной Руси [1856, с. 4].

В новгородской берестяной грамоте № 722, стратиграфически датируемой концом XII – первой половиной XIII в. (по данным внестратиграфического датирования – конец 1280-х – 1310-х гг., что предпочтительнее) стоимость соболя определяется в 4 гривны [Янин, Зализняк, 2000, с. 21]. В этой связи следует обратить внимание на вывод А.В. Назаренко, установившего на основании изучения ряда источников, где приводится стоимость соболя, “что в гривнах как в стандартных денежных единицах выражена стоимость определенного количества соболей” [1996, с. 7; 2001, с. 206].

Приведенные сведения позволяют провести несложные подсчеты, исходя из веса березовского сосуда, надписи на нем и стоимости соболя, указанной в берестяной грамоте.

Если на березовской чаше обозначена цена изделия торевтики в соболях, то их количество в данном случае составит 8,75 (35 : 4). Учитывая различное качество шкурок, а также возможность округления суммы в древности, будем считать количество соболей равным 9. Разделив вес сосуда (985 г) на это число, мы получим вес четырех гривен – 109,44 г. Следовательно, стоимость соболя в XIII в. составляла около 109 г серебра, а гривна соответствовала 27,36 г.

Согласно исследованиям В.Л. Янина, основанным как на берестяных грамотах, так и на статье “А се бесчестие” (“О бесчестии”) Пространной редакции Русской правды [Приложение второе..., с. 498], изменение серебряного содержания в важнейших денежных единицах русского счета фиксируется на рубеже XII – XIII вв. [Янин, 1956, с. 44 – 48, 161]. Разбирая такой интересный источник XIII в., как духовную Климента Новгородца, Н.П. Бауэр также опирался на статью “А се бесчестие”. Называя ее вслед за В.О. Ключевским “бродячей”, нумизмат проявил осторожность в вопросе датировки этого документа, и только в современной специальной литературе он стал датироваться XIII в. [Российское законодательство..., 1984, с. 127], что находит прямое подтверждение в практике научных исследований [Янин, Зализняк, 2000, с. 46; Назаренко, 2001, с. 199, 207, 208], где статья является отправной точкой для изучения денежно-весовых норм Древней Руси.

Наши расчеты позволяют подтвердить мнение В.Л. Янина о том, что гривна, обозначенная в статье “А се бесшестие” Пространной редакции Русской правды, соответствует 27,3 г. Как будет показано ниже, данная статья фиксирует уже сложившиеся отношения в системе денежного счета.

Разница между фактическим весом, справедливо отождествляемым всеми исследователями, анализировавшими характеристики березовской чаши, с ценой, и его стоимостным выражением на данном платежном средстве составляет в терминах XIII в. одну гривну, т.е. 27,36 г ($(985 - 27,3) : 35$). Исходя из соотношения 1 : 36 (в гривнах) или 27,36 : 985 (в граммах) эта разница равна 2,77%.

Здесь нельзя не согласиться с А.А. Медынцевой, считавшей, что надпись обозначает не вес, а стоимость сосуда, который его владелец оценил в 35 гривен.

Березовская чаша – новый тип платежного средства

Рассматривая точность рычажных весов, А.В. Назаренко, ссылаясь на авторитетных западных нумизматов, отметил, что в IX – X вв. погрешность составляла 1% при взвешивании трехграммового предмета [Назаренко, 2001, с. 198]. Поэтому такие весы не применялись для определения веса драгоценных сосудов – их взвешивали, что называется, стационарно, а надписи делали “для памяти”. Объективно подобная надпись превращала слиток валютного металла, представленный в форме изделия торевтики, в платежное поручение с указанием количества денег (номиналов), стоимостного эквивалента. Интересно, что счетная гривна, установленная по данным березовской чаши, превышает теоретически рассчитанную на 0,06 г. Эта величина позволяет установить погрешность взвешивания в пределах 0,219%. Разницу в 0,05 г выявил В.Л. Янин у одной из гнездовских гирек, отличавшейся в меньшую сторону от теоретического веса 2,73 г (соотношение с гривной XIII в. 1 : 10) [Янин, 1956, с.181]. В этой связи заслуживает дальнейшего обсуждения пассаж Ибн Фадлана, который писал: “Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они (русы. – Н.Х.) совершают куплю-продажу посредством мерной чашки” (цит. по: [Ковалевский, 1956, с. 142]).

Наличие надписи, обозначающей стоимость, которая меньше фактической (ровно на одну гривну), наводит на мысль о ее передаточном характере, что находит объяснение в сфере обеспечения в отношениях займа, причем в денежной форме. Это позволяет отнести березовскую чашу к тому типу финансовых инструментов, которые в современном мире называют векселями, т.е. к платежным средствам,

обеспечивающим абсолютное и безусловное погашение долга [Экономическая энциклопедия, 1999, с. 102].

Попытку установить банковский процент в кредитном деле Древней Руси предпринял С.В. Белецкий. Рассматривая проблему соотношения таких источников, как пломбы дрогичинского типа и сведения араба из Гренады Абу Хамида ал-Гарнати, он показал, что при опечатывании стертых шкурок на специально отведенных местах – рынках денежники получали банковский процент, составлявший 5,6 [Белецкий, Посвятенко, 1994, с. 3 – 5].

Попытаемся обрисовать денежную ситуацию, связанную с введением в обращение конкретного нумизматического артефакта – чаши из Березова с надписью “тридцать пять гривен”. При этом приведем соответствующие параллели.

На блюде с изображением Шапура II (309 – 379) из сахаровского клада (Пермская обл.) две надписи – среднеперсидская и согдийская [Лившиц, Луконин, 1964, с. 164, № 10; 172, № 21], свидетельствующие о том, что первоначально изделия торевтики обращались именно в качестве денег. Очевидно их весьма длительное обращение в крупнооптовой торговле и, наверное, в рыночной среде на родине-эмитенте, и лишь затем они были, как представляется, доставлены в Прикамье. Подобная аналогия, казалось бы, упрощает нашу задачу. Согласно А.А. Медынцевой, надпись на березовской чаше выполнена почерком середины XII в. Первый обладатель этого финансового инструмента получал право распоряжаться разницей, равной 2,77% и соответствующей счетной гривне Пространной редакции Русской правды, по своему усмотрению – это был его банковский доход, т.е. надпись на березовском сосуде фиксирует отношения в системе расчетов, сложившиеся в Древней Руси на рубеже XII – XIII вв. Памятуя о том, что данное платежное средство изначально не являлось залогом, следует предположить его обратимость в товаро-деньги, т.е. указать на возможность обращения березовского сосуда в денежно-кредитной сфере Древней Руси (скорее всего, Новгорода)*. И лишь спустя некоторое время он поступил в Югру, где, конечно, был обменен сполна (поскольку ясно, что 109 г серебра за шкурку соболя – внутренние цены Древней Руси) на соболей числом, наверное, превышающим девять и, наконец, выпал из обращения в результате какого-либо сакрального действия в среде автохтонного населения. На это наталкивает наблю-

* Значительное число счетных, этикеточных и долговых бирок, свидетельствующих о ростовщичестве посадников, показывает, что новгородцы без труда могли взять товары, продукты или деньги в долг и часто использовали эту возможность в своих экономических нуждах [Ковалев, 2002, с. 48].

дение Н.А. Макарова, обратившего внимание на использование магических обрядов при зарытии кладов, происходящее в том случае, “когда обычные хозяйственные и бытовые операции казались недостаточно эффективными” [1981, с. 264].

Операции залога

Публикуя среднеперсидские и согдийские надписи VII – VIII вв. на художественной утвари в основном из бассейна Камы, В.А. Лившиц и В.Г. Луконин вслед за В.Б. Хеннингом сделали заключение, что надписи представляют собой стандартную формулу, содержащую имя (иногда и титул, а также имя отца) владельца и вес сосуда в драмах. Наиболее распространенные схемы формул: “собственность NN, вес..... драм”, или “вес драм..... собственность NN” [Лившиц, Луконин, 1964, с. 158].

На сосуде, найденном близ д. Кончика в 19 км от г. Кунгура Пермской обл., вырезана надпись “Государь Бухары dzwy”, а на сосуде из д. Нижнешахаровки той же области самаркандским письмом (согдийский алфавит) – “Хранитель печати VaYc”, причем это хронологически вторая запись, первая – пехлевийская, указывающая вес 230 драм [Там же, с. 165 – 166, № 15; с. 172, № 20]. Последний пример показывает, что сосуда были средством кредитно-денежного обращения в Центральной Азии достаточно долго, причем, если первая запись является передаточной, то вторая характеризует залоговую операцию.

Надписи, указывающие на принадлежность того или иного изделия тореvтики конкретному лицу, следует отнести к разряду залоговых финансовых инструментов. При совершении подобных операций залогодатель и залогодержатель устанавливали каждый свою выгоду, оставшуюся, к сожалению, неизвестной исторической науке. Сосуды с надписями, указывающими как вес, так и имя собственника, представляют собой также залоговые денежные инструменты. При полном соответствии веса и стоимости залога они ценны тем, что позволили в настоящее время ученым судить о денежно-весовых нормах государств, их эмитировавших. Доход залогодержателя в этом случае остается также неизвестным. Конечно, обращение изделий тореvтики в кредитно-денежной сфере происходило на родине-эмитенте, которая устанавливается палеографическими методами по надписям на сосудах.

Таким образом, сначала сосуды обращались на родине-эмитенте, а затем становились предметом дальней трансконтинентальной торговли. Есть основания полагать, что сосуды без передаточных и залоговых надписей не участвовали во внутреннем денежном обороте, а значит, именно они подтверждают слова В.П. Даркевича о том, что появление значительной части восточного, византийского серебра, платежных

слитков в Вятско-Камском ареале концентрации капитала “связано с арабским завоеванием Центральной Азии и Северо-Восточного Ирана” [Даркевич, 1976, с. 148; Фёдорова, 2002, с. 94 – 95].

Являясь залоговыми, надписи на сосудах с указанием имен собственников отражают не переход собственности, а временную утрату права ею распоряжаться. В том случае, если заложенные изделия тореvтики не выкупались их владельцами, они становились отчуждаемым имуществом, свидетельствуя о ломбардных операциях на рынках их первоначального обращения, и поступали на внешний рынок.

Экономическая природа векселя не исключает использования византийской чаши в качестве залога для получения кредита в денежной или товарной форме.

Денежный счет по духовной Климента Новгорода

Первую попытку представить сумму долга Климента в весовом серебре осуществил Н.П. Бауэр [1940]. Духовная составлена около 1270 г., значит, завещатель использовал весовые нормы XIII в., известные по одной из дополнительных статей Пространной редакции Русской правды “А се бесшестие”: “а за гривну сребра пол осме гривен” (“а за гривну сребра 7,5 гривны”) [Российское законодательство..., 1984, с. 73; Приложение второе ..., с. 498].

Приведем полностью раскладку второй, меньшей части долга Климента (первая составила 20 гривен сребра): 8 гривен, 4 гривны, 2 гривны без 2 ногат, 13 ногат и 1 гривна, 5 гривен (“а в том Борьке третина”), 2 гривны, 40 гривен, “гривна солонных кун”, полгривны, полгривны, 7 гривен, полгривны, 2 гривны без 10 резан, 13 ногат, 1 гривна, 1 гривна.

Источник представляет собой свод денежной номенклатуры середины XIII в.: старшей является гривна, затем, видимо, ногата и, наконец, резана (кун). Обратим внимание на возможность верификации денежно-весовой номенклатуры, содержащейся в духовной, данными берестяной грамоты № 710, также представляющей собой реестр должников, после которого следует фраза, позволившая В.Л. Янину датировать документ 1194 г. (“А я вот уцелел от пожара”): “Деньги в грамоте № 710 исчисляются в обычных для ее времени денежных единицах: гривнах сребра, гривнах кун, ногатах, кунах, резанах” [Янин, Зализняк, 2000, с. 10 – 11].

С целью установления суммы долга Климента переведем все денежные единицы для удобства подсчета в гривны, воспользовавшись соотношением величин Пространной редакции Русской правды [Российское законодательство..., 1984, с. 428]: 1 гривна = 20 ногат = 25 кун (резан). Суммировав долги Климента, выраженные в гривнах, ногатах и резанах, полу-

чим 75,3 гривны, что составит 2055,69 г серебра (75,3 × 27,3). К этому необходимо прибавить еще “гривну соłonых кун”, от которой отказался Н.П. Бауэр, считая ее “малозначимой”. Как представляется, “гривна соłonых кун” – долг Климента за соль – следует понимать как гривну новых кун, отмеченную А.М. Колызиным по данным берестяных грамот № 442 и 420 и равную 50 г чистого серебра [Колызин, 2001, с. 53 – 54]. Поэтому к полученной величине (2055,69 г серебра) приплюсуем 50 г, в итоге получим чуть больше 2 100 г серебра, или приблизительно 10,5 гривен серебра (2 100 : 200).

Таким образом, общая сумма долга Климента составляла отнюдь не астрономическую сумму 80 гривен серебра [Бауэр, 1940, с. 177 – 178], а всего лишь 30,5 гривен-слитков серебра.

Наконец, треть, которую должен был Климент некоему Борьке от 5 гривен, в серебряном выражении составит 45,5 г.

Все расчеты производились на основании источника, который дал величину весовой гривны 27,3 г, что можно встретить в специальной литературе. Это подтверждает вывод, уже сделанный в нумизматике, о практическом применении весовой гривны, равной половине европейского фунта.

Рассматривая структуру долга Климента, заметим, что он должен был получить деньги от 16 своих кредиторов. Вторую, меньшую, часть долга (10,5 гривен) Климент предлагал Юрьевскому монастырю самостоятельно взыскать с этих должников. Поскольку в духовной речи идет о форме погашения долга имуществом, то это наводит на мысль о переуступке долгов, которые Климент не смог получить при жизни. Последняя дефиниция предполагает, что он действовал на кредитном рынке от имени и по поручению Юрьевского монастыря. Среди должников Климента были как купцы, так и рядовые граждане, занимавшие деньги для текущих нужд.

Теперь вернемся к содержанию берестяной грамоты № 722, которая фигурирует в сводке грамот торгового характера XIII – XV вв., приведенной Е.А. Рыбиной: “Денег 12 гривен беличьими шкурками и серебром. Соболь – 4 гривны. На сетях, сукнах и холстах 3 гривны. Медвежья шкура – 2 гривны”. Учтем, что берестяная грамота является важнейшим документом, датирующим применение на практике дополнительной статьи “А се бесшестие” Пространной редакции Русской правды. Содержание грамоты, по предположению А.А. Зализняка, представляет собой опись купеческого имущества [Рыбина, 2001, с. 326]. Сумма данной описи составит 21 гривну, или 573,3 г серебра (27,3 × 21).

Хронологически последний, насколько нам известно, источник, соответствующий по времени и содержанию (денежный счет) статье “А се бесшестие”, –

берестяная грамота № 750, датируемая В.Л. Яниным рубежом XIII – XIV вв., где упоминается “новая гривна”, которая, как обращает внимание исследователь, отражает период перехода к рублевой системе [Янин, Зализняк, 2000, с. 45 – 46].

Значительный хронологический диапазон документов, сопоставимых со статьей “А се бесшестие”, позволяет уверенно говорить о том, что денежный счет этой дополнительной статьи Пространной редакции Русской правды применялся на практике весь XIII в.

Торевтика – платежное средство Древней Руси

О серьезном отношении в Древней Руси к обороту сосудов, изготовленных из валютного металла, свидетельствует статья Договора Смоленска с Ригой, Готским берегом и немецкими городами 1229 г.: “Или которым нимчине купиль съсудь серебряный, дати ему от гривны куна весцю; или продасть, не дати ему ни векше” (“Те иноземцы, которые покупают сосуды серебряные, должны дать от гривны куну весцю, а при продаже таковых не платят ни пени”). Н.П. Бауэр, опубликовавший данную статью [1940, с. 192 – 193], обратил внимание на то, что, во-первых, труд весовщика оплачивался, во-вторых, ввоз серебряных сосудов поощрялся. Несколько списков этого исторического памятника, опубликованных в 1963 г. по оригиналам, находящимся в Риге, позволяют углубить и конкретизировать понимание процесса обращения валютного металла в Древней Руси. Договор регулирует весь спектр торгово-экономических и военно-политических отношений Руси (Смоленск выступает от имени Руси и как самостоятельный субъект международного права) с европейскими странами.

Обширный раздел Договора 1229 г. посвящен обороту золота и серебра – главных валютных регуляторов денежного рынка средневековья, изучение положений этого акта международного права в нашу задачу не входит. А.В. Назаренко сопоставил ряд статей Смоленского договора с целью выявления структуры денежного счета Руси XIII в., взяв, разумеется, за основу две позиции денежного счета статьи “А се бесшестие” [Назаренко, 2001, с. 207 – 208].

Смысл статьи “Или которые немчине коупить съсудь серебряныи – дати ему от гривны ку[ну] на весцю” (“Иноземцы в случае покупки серебряных сосудов должны дать весцю с каждой гривны куну”) [Смоленские грамоты..., 1963, с. 43]*, свидетельству-

* Иная дефиниция Договора: “Аже латиенскии коупить сосуды серебряныи, дати ему весцю от гривны серебра по ногате смоленской” (“Если латиняне купят серебряные сосуды, они должны дать весцю с каждой гривны серебра по ногате смоленской”) [Смоленские грамоты..., 1963, с. 29].

ющей об обороте изделий торевтики, состоит в том, что при покупке иностранцем на территории Смоленска сосудов из драгоценных металлов он должен был зарегистрировать сделку, заплатив государственному фискальному органу, который представлял чиновник-весец*, с каждой гривны куну. Изложенное не означает, что вывоз изделий торевтики не регистрировался на таможене, – в этом случае драгоценные сосуды облагались таможенной пошлиной.

В ст. 40 рассматриваемого договора, свидетельствующей о поступлении иноземного серебра в Древнюю Русь, говорится: “Аже латиенский даст серебро пожигати, дати ему от гривны серебра куна смоленская” (“Если латиняне дадут серебро переплавлять, они должны заплатить от гривны серебра куну смоленскую”). Данная статья позволила В.Л. Янину установить соотношение гривны серебра и гривны кун как 1 : 4 (“а за гривну серебра 4 гривны кунами”) [Янин, 1956, с. 44 – 45]. А.В. Назаренко, приведший ст. 40 источника, обратил внимание на пошлину при переплавке серебра, составляющую чуть больше 4 г (смоленская куна), или около 2% при теоретическом весе слитка 204 г [Назаренко, 1996, с. 10 – 11, 41, 42; 2001, с. 158 – 159], а норматив в первой половине XIII в. был в пределах 200 г [Назаренко, 2001, с. 212], что подтверждается материалами конкретных кладов: например, в кладе из Ивановки Тульской губ. (1805 г.) [Baue, S. 66; N 123] четыре новгородских палочковидных слитка, датируемые Н.П. Бауэром XIII в., имеют весовую норму 199,53 г. Сопоставление этого норматива с аналогичным показателем, полученным по данным Лопаревского клада, зарытого в середине 1360-х гг., позволяет предположить падение веса рублей-слитков в течение полутора веков в среднем почти на 5%. При этом не забудем и норматив, равный 196 г, который методически корректно установлен Н.Ф. Котляром по плюшевым гривнам Готландского клада [Котляр, 1996, с. 80 – 142]. Данные палеографии [Медынцева, 2000, с. 69 – 70] позволяют датировать их серединой XI в. В этой связи, вероятно, есть смысл обсуждать денежно-весовые реформы в Древней Руси, базирующиеся, как не раз было доказано в специальной литературе, на метрологии половины европейского фунта [Янин, 1985, с. 104, 112, 114].

Установим экспортную пошлину Договора 1229 г. при вывозе изделий торевтики и валютного металла с территории Руси. Согласно источнику: “отъ гривны куна весцо”. Надо полагать, что при вывозе серебра на таможене оно взвешивалось и государству отходило по куне (смоленской) с каждой гривны. Куна –

* Согласно документу, весец – государственный служащий. В договоре также приводится другая единица должностной номенклатуры – тиун.

это чуть больше 4 г серебра [Назаренко, 2001, с. 212], а гривна – 50 г. Следовательно, экспортная пошлина составляла 8% ($4 : 50 \times 100\%$).

Фактически доходность в процессе “серебро пожигати”, составляющая около 2%, сводилась к минимальному покрытию издержек. Как установил В.Л. Янин, в Новгороде при серебряном переделе угар высокопробного серебра был в пределах 1% [Янин, 1985, с. 104], что находит подтверждение в денежно-весовых системах Таны (Азака) и Поволжья XIV в. 1% составляет 2 г, или полкуны. Эти подсчеты подтверждает вторая часть статьи Смоленского договора, опубликованной Н.П. Бауэром: “...или продасть, не дати ему ни векше”*

Сопоставление двух статей Смоленского договора 1229 г. свидетельствует об активном влиянии государства на собственный валютный рынок: оно поощряло ввоз валютного металла и ограничивало его вывоз. Это позволяет сделать вывод о том, что валютное регулирование и экспортный контроль – неотъемлемая прерогатива государства.

И вряд ли просто эмоциональным всплеском можно объяснить жест Владимира Васильевича, который в 1288 г. с целью преодоления тяжелой болезни решил по-христиански “все разда: и блюда великаа серебряные, и коубыки золотые и серебряные, самь передь своима очима поби и поля в гривны и монисто свои...” (“все раздал: и блюда огромные серебряные, и кубки золотые и серебряные, [которые] сам перед своими глазами велел разбить и приказал тут же переплавить их в гривны, так же поступил и со своим монисто...”) [Ипатьевская летопись, 1908, стб. 914]. «Летопись применяет термин “гривна” к слитку» [Янин, 1956, с. 45 и примеч. 2], а само описание носит характер описи княжеской казны.

Исходя из анализа денежной ситуации на валютном рынке Древней Руси, можно предположить, что Владимиру Васильевичу потребовались наличные деньги, в которые он и обратил имеющуюся в его собственности драгоценную художественную утварь. При этом князь должен был потерять, как это следует из анализа соответствующих статей Смоленского договора 1229 г., не менее 1 – 2% от исходного веса своих сосудов, отданных на переплавку.

Можно утверждать, что несоответствие веса и стоимости березовской чаши, составляющее 2,77%,

* Называя московских денежников “золотых дел мастерами”, С. Герберштейн, западный дипломат первой половины XVI в., сообщал о специфических отличиях монетного передела в Русском государстве по сравнению с Западной Европой: “Они (московские денежники. – Н.Х.) взвешивают деньги и серебро и выплачивают потом тем же весом” [Герберштейн, 1988, с. 123 – 124], что свидетельствует о развитии денежной культуры по крайней мере с XIII в.

служит индикатором доходности, т.е. при переходе данного нумизматического артефакта из сферы безналичного оборота в сферу наличного его владелец получал в слитковой или иной форме 957,64 г серебра, или 35 гривен. Это с одной стороны. С другой – владелец данного сосуда на рубеже XII – XIII вв. имел накопления в размере 36 гривен. И именно данная сумма не позднее середины XIII в. поступила в Югру.

Выводы и заключение

Изложенное прямо свидетельствует о значительном обороте в домонгольской Руси денежных средств, выраженных в изделиях торевтики, которые наряду с золотыми и серебряными слитками составляли основу функционирования ее финансовой системы.

Надпись на березовском сосуде, первую прорисовку которой осуществил А.А. Спицын, была сделана в обычной ситуации в сфере расчетов: у его владельца не оказалось мелких денежных единиц, и он обратился к ростовщику, предупредив, что не желает терять права собственности на данное изделие торевтики. После взвешивания сосуда был заключен договор (“кабала”), согласно которому займодавец в случае невозвращения долга имел бы прибыль в размере 1 гривны. Мы не можем судить, был ли погашен долг своевременно, но в любом случае надпись “тридцать пять гривен” в кредитно-денежной сфере становилась передаточной, т.е. в сравнении с истинным весом чаши обозначала дисконт, равный 2,77%. Приведенная реконструкция образования вексельного денежного инструмента позволяет сделать вывод о том, что надпись была сделана ростовщиком старше средних лет не ранее конца XII в.

Следуя за В.П. Даркевичем, напомним, что сосуд поступил в Киев в составе даров Мануила Комвина князю Ростиславу в 1164 г. Это позволяет в соответствии с метрологическими данными, приведенными в настоящей статье, установить период, в течение которого рассмотренное изделие византийской торевтики стало денежным инструментом: он составлял не менее 30 лет.

В заключение приведем параллель березовскому сосуду. Это бутылка XI – XII вв., происходящая из Тохаристана (Афганистан) или Восточного Хорасана, которая была найдена в середине XIX в. в Сосьвинском Городке Березовского уезда Тобольской губернии, по нашему мнению, находившемся в пределах исторической Югры. На ней две одновременные куфические надписи. На горловине сосуда сохранился фрагмент “с благодарением и благословением, и...”; на плечиках текст из трех отрывков, в т.ч.: “Принадлежит старцу Абул Фадлу Сахату б. Али, да продлит Аллах существование его” [Сокровища Приобья, 1996, с. 19, 132, № 62]. Надписи на этом сосуде указывают на его об-

ращение в сфере товарного оборота валютного металла на родине-эмитенте, что не исключает и Б.И. Маршак. Поэтому можно утверждать: до некоторой степени в экономическом смысле тобольская бутылка повторяет историю березовской византийской чаши.

Березовская византийская чаша из Зауралья как дисконтный вексельный инструмент кредитно-денежного дела Древней Руси имеет и свою предысторию. Здесь предпринята попытка показать историю его обращения в денежной и товарной сферах, состоящую из трех этапов, что позволяет допустить вероятность функционирования в этих сферах в Восточной Европе в течение порядка 70 – 80 лет.

Датировка надписи вкупе с художественными и стилистическими особенностями рассмотренного здесь нумизматического памятника, а также история его обращения в сфере денежного оборота и показания берестяных документов позволяют подтвердить высказанную в первом томе “Российского законодательства X – XX вв.” мысль о том, что статья “А се бесщестие” Пространной редакции Русской правды с указанием денежного счета применялась на практике весь XIII в.

Список литературы

- Аристов Н.Я.** Промышленность Древней Руси. – СПб.: Б.и., 1856. – 323 с.
- Бауэр Н.П.** Денежный счет в духовной Клименты Новгородца и денежное обращение Северо-Западной Руси в XIII в. // Проблемы источниковедения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 175 – 204.
- Белецкий С.В., Посвятенко В.А.** Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Образование Древнерусского государства: Проблемы источниковедения. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1994. – С. 3 – 5.
- Герберштейн С.** Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; Под ред. В.Л. Янина; Вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 430 с.
- Даркевич В.П.** Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X – XIII в. – М.: Искусство, 1975. – 350 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
- Захoder Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX – X вв. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 278 с.
- Ипатьевская летопись.** – 2-е изд. – СПб.: [Тип. М.А. Александрова], 1908. – XVI с.; 938 стб.; 86 с. – (Полн. собр. рус. летописей; Т. 2).
- Ковалев Р.К.** Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. – 2002. – № 1. – С. 38 – 50.
- Ковалевский А.П.** Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – 347 с.
- Кользин А.М.** Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.) / Отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Информполиграф, 2001. – 278 с.

- Котляр Н.Ф.** Северорусские (“черниговские”) монетные гривны // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1994 год. – М.: Археограф. центр, 1996. – С. 80 – 142.
- Лившиц В.А., Луконин В.Г.** Среднеперсидские и согдийские надписи на торевтике // Вестн. древней истории. – 1964. – № 3. – С. 155 – 176.
- Макаров Н.А.** Магические обряды при зарытии клада на Руси // СА. – 1981. – № 4. – С. 261 – 264.
- Маршак Б.И.** Сокровища Приобья // Сокровища Приобья / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. – СПб.: Формика, 1996. – С. 6 – 44.
- Медынцева А.А.** Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). – М.: Наука, 2000. – 291 с.
- Назаренко А.В.** Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1994 год. – М.: Археограф. центр, 1996. – С. 5 – 79.
- Назаренко А.В.** Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
- Новгородская** первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – (Полн. собр. рус. летописей; Т. 3).
- Повесть** временных лет / Подгот. Д.С. Лихачев; Ред. В.П. Андрианова-Перетц. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1999. – 667 с.
- Приложение** второе: Статьи, находящиеся в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – (Полн. собр. рус. летописей; Т. 3).
- Российское законодательство X – XX вв.:** В 9 т. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин; Введ. и коммент. Я.Н. Щапова. – 432 с.
- Рыбина Е.А.** Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. – Вел. Новгород: Новгор. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. – 390 с.
- Смоленские грамоты XII – XIV вв.** / Подгот. к печ. Л.А. Сумникова, В.Т. Лопатин; Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1963. – 139 с.
- Сокровища** Приобья / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. – СПб.: Формика, 1996. – 229 с.
- Сотникова М.П.** Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII – XV вв. // Тр. Гос. Эрмитажа. – 1961. – Т. 4. – С. 44 – 91.
- Фёдорова Н.В.** Культурные связи // Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат-ДИАКОМ, 1994. – С. 64 – 68.
- Фёдорова Н.В.** Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействий на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 91 – 101.
- Фроянов И.Я.** Рабство и данничество у восточных славян. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 512 с.
- Хан Н.А.** К вопросу о “Закамском серебре” // Исторические истоки, опыт и взаимодействия и толерантность народов Приуралья: Материалы Междунар. науч. конф. к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 2002. – С. 283 – 287.
- Экономическая** энциклопедия / Гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: Экономика, 1999. – 1015 с.
- Энциклопедия** земли Вятской: В 10 т. – Киров: Б.и., 2002. – Т. 1: Откуда мы родом? / Под ред. В.А. Ситникова. – Кн. 2: Села. Деревни. – 640 с.
- Янин В.Л.** Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 207 с.
- Янин В.Л.** Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII – XV вв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969 – 1970. – Ч. 1. – С. 317 – 347.
- Янин В.Л.** “Память, как торговали доселе новгородцы” (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – Т. 16. – С. 98 – 114.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.** Новгородские грамоты на бересте: Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – М.: Рус. словари, 2000. – Т. 10: Из раскопок 1990 – 1996 гг. – 430 с.
- Bank A.** L’Art Byzantin dans les musées de L’Union Sovietique. – L.: Aurora, 1977. – 328 p.
- Bauer N.** Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters: Eine archäologische Studie // Numismatische Zeitschrift. – Wien, 1929. – Bd. 62. – 77 – 120.
- Khan N.A.** Visu: The problem of location // Abstracts books: 8th Annual Meeting European Association of Archaeologists. – Thessaloniki: Hellas, 2002. – P. 263 – 264.

Материал поступил в редколлегию 21.05.03 г.